

Д. В. Сичинава

РЕФ

Об одном лингвистическом параметре типологии текстов: коэффициент под/над

Исследуется значение коэффициента относительной частотности предлогов под и над для различных типов текстов, заданных "непрофессиональной" классификацией в электронной коллекции (библиотеке). Методика базируется на корпусе текстов. На основании того, что известно о семантике предлогов под и над, особенно об их непространственных значениях, предлагается объяснение значения этого параметра для различных типов. Представляется неслучайная связь значений этого параметра с интуитивным представлением, закрепленным в языковой метафоре "высокого"/"низкого".

1. О ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТИПА ("ЖАНРА") ТЕКСТА: РАЗЛИЧНЫЕ МЕТОДИКИ

Одной из наиболее сложных проблем лингвистики текста (дискурсивного анализа) является вопрос о "жанрах" (в англоязычной традиции обычно "типах") текста. Тип текста¹ — это понятие, интуитивно несомненно ощущимое, но всё ещё далёкое от чёткого определения: под ним обычно, явно или неявно, понимается некоторое множество текстов, для выделения которого используются следующие критерии, в значительной степени взаимозависимые:

(а) тип существен для данной культурно-языковой традиции, берется a priori и однозначных строгих критериев не имеет²;

(б) тип обладает некоторой общностью условий возникновения и функционирования текстов, его составляющих;

(в) тип обладает теми или иными собственно лингвистическими признаками, присущими ему имманентно.

В работах по выделению текстовых типов преобладают подходы, исходной точкой в которых являются критерии (а) и (б), иными словами, исследователи исходят не столько из характеристик текста как автономной структуры, сколько из условий его возникновения и бытования в культурном обществе. Так, Е. А. Земская и соавторы [1] выделяют следующие жанры устного дискурса: интервью, дискуссия, (бытовой) разговор, доклад, репортаж и рассказ — исходя при этом, как видно из самого перечня жанров, прежде всего из критерия (б). В классификации Р. Лонгейкra [2], получившей большое распространение в англоязычной теории дискурса, "традиционные" типы, выделяемые в рамках культуры [критерий (а)] "вписаны" в логически стройную сеть признаков "субъективность/объективность", "цель говорящего/цель слушающего", "(статическое) описание vs. (динамический) нарратив" [критерий (б)]; в результате, например, традиционные характеристики "проповедь", "коммерческая реклама" и "политическое

выступление" объединяются ярлыком "аргументативный дискурс". Такой подход в значительной мере предвосхищается у М. М. Бахтина [3]. В знаменитой "пирамиде жанров" Н. И. Толстого [4], описывающей жанровую структуру древнерусской письменности, культурно-исторический критерий (а) поверяется лингвистическим критерием (в): например, для светских юридических документов более характерны древнерусские языковые черты, для церковных уставов — "древнеславянские" (церковнославянские). Но эта корреляция, конечно, изначально заложена в языковой ситуации до-петровской Руси — церковно-славянско-древнерусской диглоссии; от языковых жанров, характерных для новоевропейской языковой ситуации, такой однозначности лингвистических признаков, конечно, ожидать не приходится.

Исследование Д. Байбера [5] идёт, напротив, от языковых характеристик, в основном синтаксического и лексического характера [критерий (в)], к типологическим, которые строятся a posteriori на основании статистических корреляций между 67 (!) параметрами английских текстов (в основном морфологическими и синтаксическими). Получившиеся восемь типов ("художественное повествование", "ангажированное убеждение", "изложение эксперта"...) коррелируют с традиционными культурно-ориентированными типами дискурса ("художественная проза", "юмористика", "спортивный репортаж..."), за небольшими исключениями, плохо [ibid.].

Методика нашего исследования — применение одного конкретного лингвистического критерия, а именно соотношения частот предлогов под и над, к заданной непрофессиональной (приближенной к тематически-библиотечной) классификации корпуса текстов — не находит прямых аналогий среди перечисленных выше, однако результаты, полученные при её помощи, обещают быть небезинтересными. Сопоставление традиционных типов со сконструированными на основании лингвистических признаков (методика Байбера) может быть эффективным лишь при достаточно богатом аппарате этих

¹Мы будем использовать, как правило, именно этот, более нейтральный термин, во избежание узколитературоведческих коннотаций слова жанр. Там же, где речь идёт о типах художественной прозы, fiction (исторический роман, детектив...), термин жанр, как представляется, не мешает пониманию.

²Заметным (но далеко не единственным) критерием здесь выступает тематическая отнесенность текста, известная в англоязычной теории дискурса как aboutness ("о-чёмность"): "исторический роман" интуитивно ощущается отдельно от "приключенческого романа", коммерческая реклама и речь адвоката, религиозные и медицинские наставления обычно также "разводятся".

последних критериев, способном дать дискретные “пучки” корреляций. Кроме того, значение одногоДединственного (или даже немногих) параметра для конкретного текста может быть обусловлено не только типом текста, но и индивидуальным авторским стилем. Ранжирование же заданных типов по некоторому лингвистическому параметру может привести к небезынтересным результатам, указывающим на лингвистические характеристики, присущие интуитивно определяемой совокупности текстов; авторские же особенности при этом в значительной степени нивелируются. Исследование сопровождается семантическим анализом наиболее характерных для того или иного типа текстов примеров с предлогами *под* и *над*. Таким образом, исследование включает два важных компонента методики, базирующейся на корпусе текстов: статистический анализ и чисто лингвистическое изучение найденных контекстов.

2. МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исходный массив текстов, как и классификация, в основном берётся из издания на CD-ROM “Большая библиотека в кармане” (авторскими правами на неё обладает компания “Триада”). Перечень её каталогов в общем близок тем “традиционным” типам текста, с которыми сопоставляет свои лингвистические типы Байбер. Приведем этот перечень с нашими комментариями (в угловых скобках):

Всё для дома <кулинарные книги, советы по хозяйству>
Гадания
Детективы
Детская литература
Женские романы
Законы <юридические документы, от правил дорожного движения до учебника медицинской экспертизы>
Зарубежная фантастика
История <=исторический роман>
Классика
Криминал <документальные тексты о преступном мире, биографии преступников и т. п.>
Материалы конференций сети Fido
Медицина
Научная фантастика
Песни <бардовская лирика, тексты песен рок-групп>
Политика
Поэзия
Приключенческая литература
Проза <художественная>
Психология
Путешествия и туризм
Религия
Русская фантастика
<Энциклопедические> справочники
Спорт
Статьи <≈критико-литературоведческие тексты; от Ю. М. Лотмана до анонимных критиков рока>

³Последние два жанра, к сожалению, представлены в корпусе исключительно переводными произведениями и соответственно не рассматриваются (см. ниже).

⁴Подсчёт и выдача контекстов осуществлялись при помощи программы Searcher (автор — А. В. Санников). Не учитывались морфонологические варианты наших предлогов *под* и *над*, ввиду очень частотного омонима *над* ‘нужно’, неотличимого в корпусе без синтаксической разметки от предлога; впрочем, данные небольшого размеченного корпуса русской прозы на 600 000 словоупотреблений показывают, что этот фактор не оказывает значительного влияния на коэффициент *под/над*. Также мы позволили себе отвлечься от практически не встречающегося в текстах омонимичного существительного *под* ‘низ печи’.

Ужасы

Учебные пособия

Философия

Фэнтэзи <литературный жанр, близкий фантастике, но характеризующийся отсутствием “научной” составляющей, близостью к мифологии и сказке; иногда приближается к историческому роману, опять же лишенному документальной строгости>

Экономика

Эротика

Юмор

Бросается в глаза значительная роль тематического критерия (что естественно для каталогизации библиотеки!), но это впечатление обманчиво: художественная литература объединена отдельно (“Проза”, “Классика”), из неё, в свою очередь, выделены жанры, традиционно ощущаемые как “массовые” (“Исторический роман”, “Женские романы”, “Ужасы”³); обособлены “Справочники”, “Учебные пособия” и “Материалы конференций сети Fido”: перед нами, несомненно, не чисто тематическая, а наивно-“жанровая” классификация.

Оговорка “в основном” необходима, так как при проведении исследования были внесены некоторые корректировки как в массив текстов, так и в классификацию. Первое свелось к исключению из материала переводных текстов, текстов, созданных в XIX в. (для раздела “Проза” — также в первой половине XX в.), а также (очень немногочисленных) текстов на иностранных языках; второе — к исправлению явно алогического противопоставления (едва ли имеющего какую-нибудь интуитивную основу) “Научная фантастика” — “Русская фантастика” — “Зарубежная фантастика”; оригинальные тексты из первых двух каталогов слиты в единый каталог “Фантастика”. Как видно, изменения в исходном составе текстов и в их иерархии немногочисленны и чистоты эксперимента не нарушают.

Общий объём текстов (с указанными выше исключениями) около 950 МБ, всего около 125 млн словоупотреблений. Объём отдельных каталогов сильно колеблется, от 21,6 млн словоупотреблений (“фэнтэзи”) до 30 734 словоупотреблений (“спорт”); в дальнейшем мы не подсчитываем данные для каталогов объёмом меньше 1 млн словоупотреблений.

3. ПОД И НАД: ОТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АСИММЕТРИИ К ЧАСТОТНОЙ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ГИПОТЕЗЫ

Обратимся теперь к нашему лингвистическому критерию. Этот критерий — отношение частоты употребления в тексте предлога *под* к частоте предлога *над*⁴; признак “абсолютная/относительная” для частоты при этом естественным образом нерелевантен. Далее этот показатель будем называть “коэффициент *под/над*”.

Заметим, что там, где речь идёт о “*повышении*” или “*понижении*” этого показателя, мы имеем в виду повышение или понижение не относительно единицы, а относительно некоторой средней цифры для всего множества текстов; например, когда мы говорим, что в некотором множестве текстов “коэффициент под/над повышен в пользу над”, это во все не обязательно значит, что над встречается чаще, чем под; это говорит лишь о том, что предлог над употребляется несколько чаще, чем обычно в тексте с таким же количеством предлогов под.

Чем объясняется выбор именно этого показателя? Во-первых, как показывают некоторые исследования (укажем, прежде всего, [6]; там же ссылки на другие работы), употребление служебных слов, в том числе предлогов, является одной из важнейших примет литературного авторского стиля и может использоваться для атрибуции текста точными методами по тому или иному автору. В нашей гипотезе тип текста рассматривается как “единий текст” с “единым стилем”, который может найти свой отпечаток в употреблении служебных слов (в том числе и отношении между их частотами). Во-вторых, эти предлоги входят в семантические поля “верх” и “низ”, которые во многих языках мира, в том числе и в русском, допускают активнейшее метафорическое развитие (разработка этой темы начинается с классической работы [7]; ср. *сапоги выше Шекспира, низкий поступок, Ваше Высочество, нравственное падение* и т. п., ряд примеров, который легко умножить); соответственно семантика этих предлогов очень богата, а кроме того — что особо интересно в связи с сопоставительной частотой — отношения между ними далеки от зеркальной симметрии⁵.

Асимметрия отмечается уже в распределении “обычного”, пространственного значения над и под. Предлог над означает нахождение локализуемого объекта выше ориентира и обязательное отсутствие контакта между ними. Например, под словосочетаниями книги над столом, ветви изы над могилой не могут подразумеваться ситуации ‘книги лежат на столе’ или ‘ветви покоятся на могиле’: между объектом и ориентиром имеется некоторое расстояние. Свитер над рубашкой не может означать локализации иной, чем ‘выше ориентира’ (скажем, на витрине магазина висит свитер, а ниже его — рубашка). И тот, и другой компонент для пространственного значения предлога над обязательны. Что касается предлога под, то он безразличен и к признаку ‘отсутствие контакта’, а в некоторых контекстах — даже и к признаку ‘находится ниже’ (так, бомба под автомобилем может быть прикреплена к его днищу или нет; тарелки под обоями означает не ‘ниже обояев’, а ‘за обоями’; возможны также совсем иные локативные употребления, со значением ‘окрестность’, вроде под Аустерлицем). Для обозначения контакта с (верхней) поверхностью ориентира в русском языке существует специальная единица — предлог на (а также по в случае движущегося объекта); в сфере же “нижних” локализаций все эти функции объединяет единственный предлог под⁶ [8, с. 87].

Из сказанного следует, что, во-первых, в гипотетическом “усредненном” прозаическом тексте, где равное внимание уделялось бы “верхним” и “нижним” локализациям, ожидается большая частотность под, чем над, в пространственном значении (если допустить, понимая всю условность

такого допущения, “уравнение” под=над+на+по); во-вторых, понижение коэффициента под/над относительно среднего значения (опять же если ограничиться пространственными значениями того и другого предлога) означало бы повышение внимания не просто к “верхним” локализациям, но к таким, которые “разрывают” объект и ориентир, разобщают их, причем “устремлённость вверх”, по вертикальной оси, здесь сильнее, чем была бы “устремлённость вниз” при таком же изменении значения коэффициента в пользу под.

Если рассмотреть непространственные значения обоих предлогов, то в том, что касается их возможности фигурировать в тексте, картина, несмотря на все различия в частностях, будет аналогичной; большее число дополнительных значений у под, меньшее число у над, опять же с большим акцентом на “дистанции” между объектом и ориентиром, на сей раз уже метафорической. Для над характерно непространственное употребление с ограниченным количеством предикатов, “обозначающими господство, направленное эмоциональное или ментальное воздействие и некоторые другие типы отношений” [10], такими, как преобладать, господствовать, тяготеть, смеяться, издеваться; для предлога же под гораздо более характерны и многообразны, чем для над, “локативно-функциональные” [9, с. 131] употребления, связанные с сильным, часто физическим, влиянием ориентира на объект: под дождем, под топором, под флагом. Последние два примера могут употребляться и метафорически, и отсюда уже один шаг до чисто метафорических под впечатлением или под именем. Предлог под вообще сильнее грамматикализован, чем над: можно назвать, прежде всего, временные употребления вроде ей под тридцать или под утро или чай, а также значения “дирижирование” (под музыку Россини), “имитация” (кролик под котик) и “предназначение” (создать партию под предвыборную кампанию) (термины в кавычках принадлежат В. А. Плунгяну и Е. В. Рахилиной [9]).

Таким образом, гораздо большая употребительность под в непространственных значениях указывает, во-первых, на то, что предлог под и в них должен быть частотнее предлога над, а во-вторых — что понижение коэффициента под/над должно сигнализировать скорее о повышении внимания к пространственным, чем к непространственным значениям. Причем среди непространственных — скорее к связанным с господством и эмоциональным воздействием (а, напомним, среди пространственных — к таким, доминантой которых является вертикальность и дистанция между объектом и ориентиром). Из-за многообразия значений под данная модель асимметрична: повышение коэффициента под/над на тот же модуль выше среднего не обязательно сигнализирует о предпочтении конкретно непространственных контекстов или значений типа под плитой; оно означает скорее отсутствие предпочтения к той группе значений, которая характерна для над.

Подчеркнем, что эта частотная модель, во-первых, гипотетична и, во-вторых, соответствует усредненному, т. е. наиболее

⁵ В дальнейшем изложении асимметрии в значении между под и над мы опираемся на работы [8; 9].

ожидаемому положению вещей. Из неё никак не следует, что в некотором конкретном тексте с пониженным коэффициентом *под/над* не могут количественно преобладать употребления вроде *смеяться над, господствовать над*, а пространственные употребления быть редки.

Перейдем от априорных предположений к текстам, к данным статистики.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Всего в наших текстах 158 653 предлога *под*, 76 875 предлогов *над* (напомним, общее число словоупотреблений — 125 млн): коэффициент *под/над* равен 2,06⁶. Если уменьшить количественный “перекос” в пользу таких очень широко представленных типов, как фантастика, фэнтэзи и детектив, и ограничиться при подсчёте этих каталогов только первыми (по алфавиту файлов) 35 МБ (что соответствует около 5 млн словоупотреблений в каждом из этих каталогов), то получим такие цифры: 102 103 предлога *под*, 46 936 предлогов *над*, коэффициент 2,17. Указанные данные несколько ниже “вилки” коэффициента *под/над* в российском секторе Интернета (по данным поисковой системы “Яндекс”: между 2,61 [август 2002 г.] и 2,21 [февраль 2003]). Заметим, что подтверждается исходная гипотеза (впрочем, достаточно тривиальная) о том, что предлог *под*, исходя из спектра его значений, должен при прочих равных условиях встречаться в тексте существенно чаще, чем *над*.

Приведем теперь средние показатели коэффициента *под/над* для всех каталогов библиотеки, объём которых превосходит миллион словоупотреблений (здесь и далее данные по “большим” каталогам учитываются уже целиком). Данные выстроены в порядке возрастания значения коэффициента *под/над*:

	Абсолютная частота <i>под</i>	Абсолютная частота <i>над</i>	Коэффициент <i>под/над</i>
Религия	4043	3436	1,18
Поэзия	1848	1414	1,31
Песни	1960	1470	1,33
История	8121	5032	1,61
Фантастика	23 837	13 839	1,72
Детская литература	4514	2512	1,80
Политика	5347	2901	1,84
Фэнтэзи	33 343	17 697	1,88
Статьи	1549	806	1,92
Приключенческая литература	2831	1302	2,17
Проза	11 241	5141	2,19
Материалы конференций сети Fido	4206	1462	2,88
Детективы	14 856	5043	2,95
Юмор	9400	3150	2,98
Путешествия и туризм	3241	1067	3,04
Справочники	3372	1008	3,35
Эротика	1812	537	3,37
Учебные пособия	1510	446	3,39
Медицина	1437	400	3,59
Всё для дома	3431	723	4,75
Криминал	3231	650	4,97
Законы	811	108	7,51

⁶ Здесь и далее значения коэффициента *под/над* округлены до сотых долей.

⁷ Заметим, что к религии по этому признаку тесно примыкает философия: философские тексты в нашем корпусе дают показатель 1,42, но они не попали в таблицу, так как совокупный объём их не превышает миллиона словоупотреблений.

Необходимые замечания:

1. Изучение относительных частот *под* и *над* (иными словами, того, насколько часто тот и другой предлог употребляются на единицу текста) не входит в прямые задачи настоящего исследования; к значениям соответствующих показателей мы будем прибегать лишь как к дополнительной характеристике некоторых типов текстов.

2. Значения коэффициента *под/над* в пределах каждого типа текстов заметно колеблются вокруг среднего значения (например, различные 30-мегабайтовые “куски” каталога “Фантастика” дают показатели от 1,56 до 1,89, каталога “Фэнтэзи” — от 1,74 до 2,00); к сожалению, по техническим причинам, мы не смогли вычислить этот коэффициент для каждого текста и указать точное среднеквадратичное отклонение для каждого каталога. Наибольшие колебания свойственны для типов художественного текста, наименее связанных формальными требованиями — “Поэзия” и “Художественная проза” (подобнее см. ниже, пп. 5.3.1 и 5.3.2). В связи с этим указанные выше значения, полученные для исследуемой нами библиотеки текстов, в применении вообще к текстовым типам русского языка не должны вызывать иллюзию совершенной точности; это же относится и к порядку типов в таблице в тех случаях, когда модуль разности между соседними коэффициентами меньше 0,25.

5. ПОЯСНЕНИЯ И ГИПОТЕЗЫ

5.1. Обращает на себя внимание “нижний полюс” таблицы — юридические документы, в которых *под* встречается в 7,5 раз чаще *над*; иными словами, коэффициент в три или почти в три раза превосходит среднюю цифру и в полтора раза — ближайшую в таблице. Резко аномальное значение этого показателя объясняется проще других: повышенной “формульностью” юридического стиля, доходящей до того, что этот стиль ощущается обособленно от общелитературного языка; для него свойственны исключительно непространственные значения как *под*, так и *над*, причем, как мы помним, у *под* они в русском языке гораздо более многочисленны и гораздо менее специфичны, чем у *над* (вдобавок очень существенные для предлога *над* эмоциональные употребления вроде *трястись над, смеяться над* и т. п.) в современном юридическом тексте уместны не более, чем локативные смыслы вроде *лететь над* и *лежать под*). Вот характерные примеры из текстов: *Развод поставлен под контроль государства и может осуществляться только специальными государственными органами: ЗАГСом и судом; Под выплатой подразумевается также реинвестирование распределенного в пользу иностранного участника дохода на увеличение его доли в уставном капитале; заключение под стражу, содержание под стражей* (часто); *Дочерним признается общество, в котором материнскому обществу принадлежит 50% процентов акций плюс одна акция, что обеспечивает полный контроль над его хозяйственно-распорядительной деятельностью; Попечительство может быть установлено также и над другими лицами...* и т. п. Таким образом, юридические тексты представляют собой совершенно особый случай.

5.2. Если вынести юридические тексты “за скобки”, то, конечно, выглядят особо ярко и привлекают интерес первая и (пред)последняя строчка таблицы — религиозные тексты⁷ и документальные тексты о криминале. Заманчива, но трудно

доказуема гипотеза о том, что перед нами математическое воплощение интуитивно ощущаемых характеристик текста как “высокого” и “низкого”, “устремлённого ввысь” и “приземлённого”. Попытаемся — сначала лишь на материале этих “полюсов” — несколько конкретизировать это ощущение, которое, как мы увидим ниже, подкрепляется также и данными прочих типов текстов.

Как мы помним, для *над* характерны непространственные значения с оттенком воздействия эмоционального или интеллектуального, преобладания или господства; именно они в значительной степени “задают тон” в религиозных текстах: *Если и волос с головы не погибнет, то тем более покровительство Божие над человеком; Однако над всем преобладает одно дело, один труд — молитва;* очень показательны контексты, где демонстрируется семантика ‘отрыва’, ‘разделения’, ‘дистанции’, характерная и для пространственного значения *над*: *И священство имеет силу только в единении с Церковью и, притом, в Церкви, а не над Церковью и не в отрыве от нее, где оно свою действительность утрачивает; Все древние комментаторы Торы сходятся на том, что эти буквы являются сокращением слов ... “был”, “есть”, “будет”, и это наиболее полно отражает Его сущность — вечность, стоящую над мировой судьбой и мировым порядком* (оба раза — в сочетании с ‘господством’); частотны и тематически значимы предикаты вроде *суд над, власть над, торжествовать над, размышлять над*. Важно, что эти особенности характерны не только для текстов, отражающих православную и — шире — христианскую религиозность; мы уже видели пример из текста, посвященного Торе (и иудейской её трактовке), но такие же показатели коэффициента *под/над* и — *mutatis mutandis* — близкие по семантике употребления усматриваются в текстах оккультно-теософской традиции. Внимание к “духовной вертикали”, к оппозиции *дальнего и горнего мира*, к интеллектуально-эмоциональному влиянию свойственно вообще для религии как мировоззрения — по крайней мере для того, как оно предстаёт в текстах на русском языке.

Противоположный край шкалы — документальные тексты о мире криминала. Необходимо прежде всего заметить, что они испытывают несомненное влияние юридического стиля (как мы выяснили, наиболее ярко аномального с точки зрения коэффициента *под/над*): официальные юридические документы вроде протоколов, обвинительных актов, приговоров суда в них цитируются охотно и порой пространно; в авторском языке выражения вроде *под надзор, под суд, под залог, под стражу, под кличкой, под конвоем* — не редкость. Вспомним, что подобное употребление непространственного *под* теснейшим образом связано с пространственно-функциональными употреблениями вроде *под пулями, под дождём, под мышкой*, где помимо идеи физического нахождения очевиден оттенок фиксирующего, деформирующего и пр. воздействия ориентира на локализуемый объект. В “криминальных” текстах подобное влияние оказывает не только карающая власть, как в юридических, но и прежде всего сам преступный мир: это касается контекстов вроде *под контролем, под крышей* (сама метафора “крыши”, одного из важнейших “локативно-функциональных ориентиров” [9, с. 131], в высшей степени не случайна), показательно употребление, при котором в роли ориентира выступает обозначение лица или группы лиц:

“Чечены” не раз заявляли, что у них не и не может быть стремления взять под себя весь Петербург.

Сопоставляя непространственные значения *под* и *над*, В. А. Плунгян прибегает к следующим метафорам: “Можно сказать, что *над* описывает гораздо более опосредованное и слабое взаимодействие (напоминающее воздействие наблюдательной вышки на прилегающую местность), тогда как *под* описывает гораздо более сильное и непосредственное взаимодействие, имеющее более явные внешние проявления (его можно сравнить с воздействием резца скульптора на мрамор)” [10]. Духовное воздействие, “разорванная вертикаль”, *господство и торжество над чем-либо/кем-либо* представлены предельно четко в той перспективе, которая свойственна религиозной прозе; воздействие ощущимое и физическое, жесткая фиксация, взятие *под контроль, под прицел и под стражу* — в перспективе документальных текстов о криминале.

Заметим, что в наших словах нет противоречия с высказанным выше положением, согласно которому гипотетическая частотная модель асимметрична, и повышение показателя *под/над* не говорит о предпочтении характерных *под*-значений в той же мере, что и его понижение — о предпочтении характерных *над*-значений. Дело в том, что наш коэффициент в религиозных текстах ниже среднего лишь на единицу с десятыми долями (а то и того меньше), а в документальных текстах о криминале он выше среднего на 2,5 (а то и того больше): меньшая специфичность значения предлога *под* компенсируется большим модулем отклонения.

5.3. После рассмотрения “райностей” обратим внимание на остальные типы, занимающие на шкале коэффициента *под/над* пространство от 1,31 до 4,75. Здесь выделяются несколько групп с близкими частотами, разделенные между собой интервалами шириной более 0,3; это “поэтическая” группа (“Поэзия” + “Песни”, 1,31–1,33), группа от “Исторического романа” до “художественной прозы” (1,61–2,19), группа от “Конференций Fido” до “Медицины” (2,88–3,59); особняком стоит каталог “Всё для дома” с показателем 4,75, близким к “Криминалу”. Разберём эти группы именно в такой последовательности.

5.3.1. Ситуация с поэтическими текстами напоминает положение вещей с “юридическим типом текстов”, но это сходство неполное. Известно, что некоторые поэтические тексты допускают аномально низкое значение коэффициента *под/над* — а именно, меньшее единицы и даже меньшее 0,5, т. е. предлог *над* встречается чаще (иногда в два–три раза чаще) предлога *под*. По данным В. А. Плунгяна [10], это свойство характерно для творчества Андрея Белого, Георгия Иванова и особенно Анны Ахматовой (особенностям употребления этих двух предлогов у Ахматовой и посвящена статья [10]). В этой же работе отмечается: “Вместе с тем, в стихотворных текстах, например, Пушкина или Пастернака соотношение частотности *над* и *под* практически не отличается от обычного прозаического: *над* встречается приблизительно в 2 раза реже, чем *под*. Как можно видеть, разгадка “частотной аномалии” *над* не так проста: ее нельзя отнести просто на счет поэтического жанра как такового, а также

определенной эпохи или стиля". Поэтический язык допускает аномалию в отношении коэффициента *под/над*, по-видимому, всё же в силу автономии "поэтического языка", ограниченности его от общелитературного (как и в случае юридического стиля); но, в отличие от того, что мы видим в законодательных актах, эта аномалия не обязательна в каждом конкретном тексте и не обусловлена сто процентно языком поэзии как таковым. Более того, здесь возможности индивидуальных колебаний текстов максимально широки, шире, чем в любой другой из рассматриваемых групп. Именно в силу этой особенности мы воздержимся от обобщающих суждений по семантике предлогов *под* и *над* во входящих в наш подсчёт поэтических текстах; здесь слишком многое зависит от творческой индивидуальности поэтов, пусть даже отнюдь не столь выдающихся, как Пастернак или Андрей Белый. Заметим лишь, что импрессионистическая параллель между коэффициентом *под/над* и метафорикой "низкого/высокого жанра" здесь вполне вписывается, например, в концепцию "штилей" времён классицизма, живущую в своих частностях и поныне, согласно которой поэтические жанры заведомо выше жанров прозаических⁸. К этим последним мы сейчас и переходим.

5.3.2. Следующие восемь позиций в нашей таблице заняты типами, шесть из которых (все, кроме "политики" и "статей") представляют собой различные жанры художественной литературы, *fiction* (точнее, один тип из этих шести соответствует недифференцированной "прозе", т. е. беллетристике). Как раз в пределах этой группы не находит подтверждения условное интуитивное представление об "иерархии жанров" — действительно, беллетристика второй половины XX в. занимает самую нижнюю строчку в группе, в то время как жанры, если и не прямо относимые к "массовой прозе" (нем. *Trivialliteratur*), то во всяком случае малоценимые, такие, как детская литература, советский исторический роман, фэнтези тяготеют к верхней части группы. (Напоминаем читателю об условности порядка мест внутри группы при модуле разности менее 0,25.) Значение коэффициента *под/над* в этой группе, как правило, ниже среднего значения, но в общем ненамного; показатель для беллетристики практически равен среднему показателю по нашим текстам.

Одной из важных причин такого положения вещей, хотя, безусловно, и не единственной, является то, что исторический роман, фэнтези, фантастика и сказка, а также нередко и литература приключений, изображают объекты экзотические, неизвестные читателю из повседневного опыта: отсюда необходимость в более или менее пространственных "иллюстративных" описаниях (традиция, заданная уже Вальтером Скоттом) и соответственно к употреблению пространственных предлогов. Наши подсчёты показывают, что именно в данной подгруппе текстов (и прежде всего — в исторических романах) относительные частоты как предлога *под*, так и предлога *над* (т. е. отношение абсолютной частоты к количеству слов) больше, чем во всём корпусу в целом; и эти употребления,

как можно заключить из просмотра контекстов, — преимущественно пространственные. Приведем несколько примеров: *Вздел светло-зеленого шелку травчатый летник с прорезными рукавами, под него — полотняный зипун, шитый по вороту, подолу и нарукающим золотою нитью; Наконец вдали показались золотая точка и несколько стройных тонких башенок над бесчисленными войлочными юртами и домишками, сооруженными из глины, камыша и камней; Некоторое время назад Волкодав оставил его у входа в пещеру, где под потолком гнездились его соплеменники; Над ними <воротами гостиного двора>, колеблемая ветром, качалась и поскрипывала вывеска: могучий конь, влекущий сани с поклажей*. Заметим, что непространственные употребления обоих предлогов (а в этой области *под* имеет особо резкий частотный перевес по сравнению с *над*) в этой группе текстов относительно редки. Возможно, именно поэтому преобладание *под* по сравнению с *над* здесь не столь сильно, как в гипотетическом "усредненном" тексте.

Другой причиной именно такого значения коэффициента *под/над* в фантастике и родственных жанрах, как кажется, является повышенное внимание к "вертикальной" доминанте художественного пространства, противопоставлению посюстороннего и потустороннего мира, идеи перемещения между ними (в научной фантастике — часто на космическом корабле). Любопытно, что в научной и околонаучной фантастике, где образ иного мира и мотив контакта с ним более устойчивы, а во многих текстах не лишены и составляющей "внерилигиозной духовности", коэффициент *под/над* в среднем равен 1,72 (а в текстах крупнейших советских фантастов — Беляева, Булычева, Казанцева, Обручева и братьев Стругацких — даже 1,59), в то время как в фэнтези, где этот образ и этот мотив могут либо вовсе отсутствовать, либо представлять в виде взаимопроникающих миров, среднее значение показателя равно 1,88, а немалое количество текстов даёт значения выше 2. Отметим и близость показателей фэнтези и детской литературы ("пестей-сказок"), очень вероятно, не случайную.

Художественная проза (беллетристика), свободная от узкожанровых ограничений, даёт, как представляется, эффект, принципиально сходный с таким в поэзии: наблюдается очень значительное колебание индивидуальных значений коэффициента *под/над*, но не вокруг некоторого специфического значения, а вокруг среднего показателя для всех текстов (возможно, с очень небольшим смещением в меньшую сторону, т. е. с повышением частоты предлога *над*). Показатели у отдельных авторов могут при этом различаться, например, в "Стоянке человека" Искандера (главный герой этого произведения — лётчик, и вертикальная доминанта, несомненно, играет важную роль в художественном пространстве текста) коэффициент равен 71:55=1,29, а во второй части "Московской саги" Аксенова (название её говорит само за себя: "Война и тюрьма") — 240:92=2,61. Здесь же

⁸Кажется соблазнительной ассоциация с тем фактом, что в нашем списке религиозная проза стоит "выше" поэзии: самой высокой поэзией в эпоху классицизма считались псалмы, обычно перелагавшиеся стихом с метром и рифмой — но были примеры и перевода их вольным белым и даже свободным стихом (в немецкой поэзии и в России у Сумарокова), мотивировкой для отказа от рифмы и/или метра считалось "высокое вдохновение, возносящее поэта выше правил, установленных в поэзии разумом", "чистейшее выражение свободного порыва" [11, с. 66, 74–75].

наблюдается и максимальная вариативность в относительных частотах того и другого предлога: например, в "Компромиссе" Довлатова на 33 700 слов текста предлоги *под* и *над* встречаются всего 27 и 21 раз соответственно. Таким образом, беллетристика предстаёт, как и поэзия, максимально независимой в выборе пространственной перспективы; при этом она может вбирать в себя и сочетать в разных пропорциях элементы различных жанров, в том числе и связанные с выбором пространственных предлогов.

В описанную группу попадают также два нехудожественных типа текстов — это "политика" (публистика) и "статьи" (литературно-критические тексты). Оба этих типа имеют очень близкие показатели, менее среднего: частотность *над* по сравнению с *под* в них несомненно повышена (хотя и не очень ярко). Для них, как и для обсуждавшихся выше религиозных (и философских, см. сноску 7 в п. 5.2) текстов, очень характерны непространственные употребления предлога *над*, связанные с интеллектуальным доминированием и эмоциональным воздействием: для политических текстов ключевыми являются такие предикаты, как *власть/главенство/владычество/преобладание над, издаваться над (достаточно часто), думать/задуматься над, победа над, суд над*; в литературоведческих — *примат, превосходство, преобладание над; работа, наблюдение над; размышление, смех, рефлексия над*. С другой стороны, *под* широко представлено в литературоведческих текстах в "семиотических" и "имитационных" употреблениях вроде *под знаком, под названием, под X подразумевается Y, стилизоваться под*; в политических — также, но с дополнительным привлечением идеи "жёсткого влияния", знакомой нам по "криминальному тексту": *под флагом/ знаменем/ лозунгом/ ярлыком/ этикеткой, под руководством/ контролем/ эгидой, под влиянием/ давлением*. Важнейшей чертой обоих анализируемых типов является практически полное отсутствие чисто пространственных употреблений. На этом фоне значительная роль, которую играют непространственные значения *над*, как представляется, и вызывает обсуждаемый статистический эффект.

5.3.3. В следующей группе, резко "отбитой" от предыдущей разностью коэффициента в 0,8, преобладают, напротив, типы, относимые к нехудожественной литературе (*non-fiction*), вкраплениями на этом фоне выглядят три жанра художественной литературы — детективы, эротика и юмор (включая анекдоты). Эти три жанра как раз интуитивно ощущаются как наиболее "низкие" из всех девяти рассматриваемых прозаических жанров. Относительно детектива необходима та оговорка, что постсоветский русскоязычный детектив далёк от классического "высокого детектива" Эдгара По или Уилки Коллинза и ближе скорее к жанру уголовного боевика (жанры детектива и боевика в России часто просто не разграничиваются). Здесь ожидаемо значителен удельный вес непространственных словосочетаний с *под* вроде *под стражей*, характерных для "криминального" текста (см. выше, п. 5.1), особо богат по сравнению с документальными текстами фонд пространственно-функциональных употреблений (Под старой, вылинявшей и обтрепанной ковровой дорожкой скрывалось два ящика коньяка "Отборный" и

"Энисели" и неполный ящик шоколада; Толстых скверно засмеялся и спрятал нож под пиджак). На фоне решительного преобладания *под* во всех значениях особую роль играют непространственные употребления *над*, связанные с детективной работой: *возиться над, размышлять над, корпеть над, работать над делом/версией*; но судя по значению коэффициента *под/над*, данный мотив не находится в фокусе внимания (хотя и не сведён практически на нет, как в документальных текстах о криминале). Эротические тексты демонстрируют, как и ожидается, почти исключительно пространственные (или пространственно-функциональные) значения обоих предлогов: основные непространственные употребления из тех, что всё же встречаются — *власть/контроль над и под взглядом*; резкое понижение частотности предлога *над* естественно связывать с присущей этому предлогу (и явно чуждой эротическому тексту) идеей отсутствия контакта с ориентиром. В юмористических текстах (особенно в анекдотах) в центре внимания повествователя также преимущественно находится материальный мир и физическое воздействие. То, что для смеховой культуры вообще характерен акцент на физически и метафорически "низком" (включая сюда, конечно, и эротические сюжеты), после работ М. М. Бахтина общеизвестно.

За вычетом этих трёх интересующая нас группа состоит из нехудожественных типов: (негуманитарных) учебных пособий, медицинских справочников, энциклопедий, путеводителей и материалов сетевых конференций (где предметом обсуждений были, в основном, фантастика и компьютеры). Общим для всех этих типов является особо высокая частотность различных непространственных (порой сильно десемантизованных) употреблений *под*. Для медицинских справочников это *под влиянием, под воздействием, под контролем*, а также фразеологизованные локативы *под ложечкой и под мышкой; над* здесь употребляется довольно активно и исключительно в пространственных значениях, в которых с ним успешно конкурирует *на*. Для негуманитарных учебных текстов, а также энциклопедий — это те же *под влиянием, под воздействием*, а также семиотические *под названием/именем*; непространственные значения *над*, связанные с интеллектуальным и эмоциональным доминированием, избегаются. Для компьютерных текстов — это "предназначение" (*игра под Windows 98*); для обсуждения литературы — *под названием, под рукой, под именем, под авторством и под редакцией*; впрочем, материалы конференций сети Fido не совсем надёжны, со статистической точки зрения, потому что текст сообщения там часто воспроизводится (порой неоднократно) в сообщениях, являющихся ответами на него. В разделе "Путешествия и туризм" употребления *под* очень разнообразны и многочисленны. Наиболее типичны, как кажется, "окрестность" типа *под Венецией* и "предназначение" типа *плитка под малый баллон или пенопластовый коврик под спальню*; изобилуют и прямые употребления, причем в некоторых текстах (например, "Сборник по спелеологии") это особо мотивировано содержанием; употребления *над* почти исключительно пространственные.

5.3.4. В заключение кратко разберем последний тип, "Всё для дома": по тематике он тесно приымкает к предыдущей группе, но по показателю

под/над резко отрывается от него и стоит близко с документальными текстами о криминале. Действительно, в нём больше, чем в типах предыдущей группы, семантических поводов для предпочтения *под*. Во-первых, ему столь же свойствен целый ряд конкретных характерных фразеологизированных употреблений *под*, из которого выделяются *под воздействием* и *под рукой*. Во-вторых, для него характерны и очень частотны локативно-функциональные контексты с “давящими”, “закрывающими” и тому подобными ориентирами вроде *под крышкой* или *под прессом*, а также несколько особых случаи вроде *под хреном*, *под плащом*. В инструкциях по домашнему хозяйству особое внимание уделяется именно инструментальному, физическому воздействию на неодушевленные предметы; функциональное применение предлога *под* идеально соответствует именно такому типу действия ориентира на объект (см. [9], а также выше, п. 5.2). Употребления *над* на этом фоне в основном пространственные, основное непространственное — *работать над*. В общем такая картина действительно близко подходит к обозначенной выше, в п. 5.2., для криминального текста.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы показали, что по значению коэффициента *под/над* заданные тексты разбиваются на три крупные группы — условно обозначим их “поэзия”, “художественная проза” и “нехудожественная проза” — и отдельные, не образующие группы типы, расположенные на самых полюсах шкалы и демонстрирующие тем самым максимальные аномальные значения признака. Общая конфигурация шкалы (но не всегда её частности) достаточно близко отражает интуитивное представление о “низости” и “высокости” текста: этот факт, на наш взгляд, не случаен, лежит в русле общеязыковой метафорики “высокого” и “низкого” и доступен научному исследованию, которое должно обязательно опираться на представления о семантическом спектре русских пространственных предлогов.

И всё же, как мы уверены, нам удалось обнаружить и объяснить отнюдь не все скрытые механизмы выбора предлогов *под* и *над* в различных типах текстов. Более того, нам кажется очевидным парадоксальность соответствия между частной конкретикой предлагаемых в каждом конкретном случае

объяснений, с одной стороны, и почти метафизической вертикалью “высокого” и “низкого”, которая вырисовывается из наших подсчётов — с другой.

Отметим, что наиболее свободные в стилевом и тематическом отношении категории текстов — “поэзия” и “проза” (=беллетристика) — демонстрируют предельно широкий разброс значений коэффициента, который в гораздо большей степени зависит от творческой индивидуальности автора, чем это имеет место в других типах текста. Таким образом, пространственные предлоги выступают и как примета индивидуального авторского стиля (см. [10, 6]), и как примета “коллективного” стиля, присущего типу текста как “единому тексту”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис.— М., 1981.
2. Longacre R. The Discourse Grammar.— Plenum Press, 1983.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров (1953) // М. М. Бахтин. Литературно-критические статьи.— М., 1986.— С. 438–472.
4. Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // Н. И. Толстой. История и структура славянских литературных языков.— М., 1988.— С. 164–173.
5. Bibel D. A. Typology of English Texts // Linguistics.— 1989.— Vol. 27.— P. 3–43.
6. Хмелёв Д. В. Распознавание автора текста с использованием цепей А. А. Маркова // Вест. МГУ. Сер. 9. Филология. № 2, 2000.— С. 15–126.
7. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by.— Chicago, 1980.
8. Пайяр Д., Плунгян В. А. Предлог *над*: факты и интерпретации // Исследования по семантике предлогов.— М., 2000.— С. 83–114.
9. Плунгян В. А., Рахилина Е. В. По поводу “локалистской” концепции значения: предлог *под* // Исследования по семантике предлогов.— М., 2000.— С. 115–133.
10. Плунгян В. А. Предлоги как ключ к поэтическому миру: *над* и *под* у Ахматовой // Сокровенные смыслы.— В печати.
11. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха.— 2-е изд.— М., 2000 (1-е изд.— М., 1984)